

Эта печальная история у всех на устах...

Лит. газ. - 1994 - 9 февр. - с. 6.

Неизвестное письмо о гибели Пушкина

В АРХИВЕ М.Н. и С.Г.Волконских, который хранится в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом), среди многочисленных материалов находятся письма, написанные по-французски одной и той же женской рукой. Письма эти посылались из Москвы в Сибирь Марии Николаевне Волконской в 1835-1837 годах*. Среди них особое место занимает одно - три небольших листа тонкой и выцветшей голубоватой бумаги. Это доселе не опубликованное письмо о гибели А.С.Пушкина.

В декабристской мемуаристике известен рассказ И.И.Пушкина о том, как дошла до сибирских изгнанников весть о гибели поэта. Вот что он писал в своих "Записках": "...в январе 1837-го года возвратившийся из отпуска наш плац-адъютант Розенберг зашел в мой 14-й номер. Я искренно обрадовался и забросал его вопросами о родных и близких, которых ему случилось видеть в Петербурге. Отдав мне отчет на мои вопросы, он с какою-то нерешительностью упомянул о Пушкине. Я тотчас схватился за дорогое мне имя: где он с ним встретился? как он поживает? и пр. Розенберг выслушал меня в раздумье и наконец сказал: "Нечего от вас скрывать. Друга вашего нет! Он ранен на дуэли Дантесом и через двое суток умер; я был при отпевании его тела в Конюшенной церкви, накануне моего выезда из Петербурга". (Вероятно, Пушкин запомнил, узнать о смерти Пушкина он мог, конечно, не ранее середины, а то и конца февраля.)

В рассказе плац-адъютанта - лишь констатация факта смерти Пушкина. В письме же, отправленном из Москвы 10 февраля 1837 года, - подробности всей трагической истории, которая привела поэта к гибели. Написано оно женщиной, с которой Пушкин встретился лишь однажды незадолго до своей кончины.

"Я должна сообщить Вам печальное известие, - так начинается свое

*ИРЛИ, ф.57, оп.1, №379. Выписки из писем даются в переводе автора статьи.

письмо корреспондентка Волконской. - Наше отечество понесло огромную утрату. Только что после ранения на дуэли скончался Пушкин. Это грустная история, которую я Вам попытаюсь рассказать. Молодой иностранец, четыре года назад вступивший в русскую службу, Дантес, приемный сын голландского посланника д'Экерна, ухаживал за женой Пушкина. Пушкин, недовольный ухаживанием за своей женой, решил закрыть перед ним дверь своего дома и был очень удивлен, застав его там несколько дней спустя. Он спросил его, что означает подобное поведение, и Дантес ему ответил: я влюблен в Васее руки. Пушкин нашел свою свояченицу, сообщил ей о предложении Дантеса. Она сразу же согласилась выйти за него замуж, Пушкин со своей стороны не чинил никаких препятствий. Но в то же время он объявил, что по-прежнему не желает его принимать у себя, даже после свадьбы, которая состоялась. Через некоторое время Пушкин получил множество анонимных писем, одно злее и омерзительнее другого. Они вывели его из себя, а разговоры Дантеса для тех, кто хотел ему внимать, о том, что он ненавидит свою жену и по-прежнему влюблен в г-жу Пушкину, не могли его успокоить.

Со своей стороны г-жа Пушкина допускала некоторую неосторожность, разрешая Дантесу приближаться к ней на балах, где они оба бывали. Неизвестно, что именно окончательно вывело Пушкина из себя, но наконец он написал ужасное письмо старому Экерну, в котором предупреждал, что, если его приемный сын будет продолжать отказываться от дуэли, он объявит его трусом и будет вести себя с ним как с трусом на балу у графини Разумовской, на который все они были приглашены. Но туда никто не пришел, кроме Пушкина. Моя сестра, с которой он разговаривал, потом нам написала,

что, видя его столь веселым, она никогда не могла бы даже заподозрить, что он собирается послезавтра драться*. Действительно, дуэль состоялась 27-го; Дантес стрелял первым и ранил Пушкина ниже сердца. Пушкин упал, и, когда Дантес подбежал, чтобы ему помочь, он ему сказал: "Не здесь Ваше место, за мною выстрел". И, так как он был слишком тяжело ранен, чтобы подняться, он стрелял лежа и, увидя также упавшего Дантеса, сказал: "Я знаю, что я мертв, но и он тоже не будет жить". "Он будет жить, - отвечал Дантес, - он лишь легко ранен." И в самом деле Дантес был ранен только в руку, а рана Пушкина признана смертельной. После страшных мучений он скончался 29-го. Он позвал свою жену и сказал ей, что знает - она не виновна, это несчастное стечение обстоятельств, которое принудило его драться. Он написал Государю; тот ответил ему запиской, полной доброты, что он не должен беспокоиться за своих детей, которым он заменит отца. В самом деле Государь сделал безгранично много для них. Сначала он дал 10 тысяч рублей на похороны бедного Пушкина, он оплатил все его долги, очистил от долгов заложенное имение, обеспечил пенсией в 11 тысяч рублей его вдову и детей, а его сыновей он поместил в пажеский корпус, когда они достигнут того возраста, в котором туда принимают.

Не правда ли, это прекрасный жест Государя в отношении человека, на поведение которого он мог сетовать.

Огромная толпа собралась на похоронах Пушкина. Эта печальная история у всех на устах, пытаются найти автора анонимных писем, но до сих пор все поиски не увенчались успехом".

Так заканчивается та часть письма, которая была посвящена смерти Пушкина.

Подкупает его тональность - сочувственно-горестная. Автор письма воспринимает гибель Пушкина как нечто глубоко

*Здесь, как видно, описка. Бал у графини Разумовской был 26 января, накануне дуэли.

Е.П.Киндякова (в замужестве Раевская).
Художник П.Ф.Соколов.
Из собрания

Всероссийского музея А.С.Пушкина
ко личное и этим личным делится с близким человеком, который тоже не равнодушен к судьбе поэта.

Как отличается восприятие трагедии этой женщиной от злых толков света! Она не обвиняет Наталью Николаевну, как делали многие, не восхищается поведением Дантеса (достаточно вспомнить дневник императрицы Александры Федоровны или ее письма к С.А.Бобринской). Ее волнует лишь трагическая судьба поэта и человека Пушкина. И, может быть, самая большая ценность этого еще одного свидетельства современницы Пушкина - в достоверности изложения фактов.

КТО ЖЕ автор этих глубоко проникновенных строк? В Москве в начале 1830-х годов проживало семейство генерал-майора Петра Васильевича Киндякова. Самого главы семьи уже не было в живых, две его старшие дочери были замужем. Мария Петровна - за известным библиографом и библиофилом Сергеем Дмитриевичем Полторацким, а Елизавета Петровна - первый раз за князем Иваном Александровичем Лобановым-Ростовским, а позднее, с 1828 года, после громкого бракоразводного процесса, события, которое, по словам А.О.Смирновой-Россет, "подняло всю Белокаменную", - за генерал-майором Пашковым.

Вдова Петра Васильевича Киндякова - Александра Васильевна - жила с младшей дочерью Екатериной, или, как шутливо называли ее близкие и друзья, Катюши-Канюши.

Дом Александры Васильевны Киндяковой был богатым, хлебосольным, гостеприимным. Здесь всегда было весело, часто давались роскошные балы с живыми картинами. Круг приглашенных отличался разнообразием. Бывали здесь и великий князь Михаил Павлович, и старинный друг семьи Пушкиных Александр Иванович Тургенев, и московский почт-директор Александр Яковлевич Булгаков, не говоря уж о светской молодежи.

Частым гостем в доме Киндяковых стал молодой человек Иван Путята, влюбленный в Екатерину Киндякову. Всерьез ли собиралась Екатерина Петровна за него замуж или с ее стороны это было лишь кокетство, однако все близкие считали, что дело идет к свадьбе.

Хранящийся в фондах Всероссийского музея А.С.Пушкина акварельный портрет Е.П.Киндяковой работы известного художника П.Ф.Соколова рисует нам образ миловидной, изящной женщины с тонкими чертами лица. К тому же Екатерина Петровна была хорошо образована, владела не только французским, но и английским языком, неплохо рисовала и даже написала в юности по-французски роман, оставшийся неизданным (ныне он хранится в рукописном отделе Пушкинского Дома).

В начале 1834 года в доме Киндяковых появляется получивший незадолго до этого разрешение на жительство в Москве Александр Раевский, старший сын героя Отечественной войны генерала Николая Николаевича Раевского, брат Марии Николаевны Волконской, некогда находившейся в приятельских отношениях с Пушкиным. В 1828 году он по настоянию графа М.С.Воронцова был выслан из Одессы без права проживания в обеих столицах. И вот Раевский снова в Москве.

Недобрую характеристику оставили современники этому человеку. "В нем, - пишет Ф.Ф.Вигель, - не было честолюбия, лени, хитрости и зависти составлен был его характер". Даже собственный отец скажет в письме к дочери Екатерине Орловой: "С Александром живу в мире, но как он холоден! Я иду в нем проявления любви, чувствительности и не нахожу их". Вспомним и пушкинского "Демона", в котором общество усмотрело психологический портрет А.Н.Раевского.

И вот этот человек вскоре по приезде в Москву взялся помогать Ивану Путяте в сватовстве. Но Раевский отнюдь не был сентиментален, он не пожалел влюбленного юношу и начал сам ухаживать за Екатериной Петровной. Трудно сказать, было это настоящее чувство или дух соперничества, а может быть, и меркантильность (на это, кстати, намекает в одном из писем А.Я.Булгаков) - ведь Екатерина Петровна была богатой невестой. Во всяком случае, "его улыбка, чудный взгляд" сделали свое дело. 11 ноября 1834 года Екатерина Петровна Киндякова стала женой Александра Николаевича Раевского.

О совместной жизни Екатерины Петровны со столь сложным человеком, каким был Раевский, известно мало. Но, знакомясь с довольно обширной перепиской Екатерины Киндяковой-Раевской с М.Н.Волконской, видишь, как близко к сердцу приняла молодая женщина судьбу родных своего мужа.

Ранее Мария Николаевна вряд ли была знакома с Екатериной Петровной. Когда Волконская уезжала в Сибирь, Екатерине Киндяковой было всего лишь четырнадцать лет. Знакомство их состоялось в письмах, так до конца оно и осталось заочным.

Вероятно, письма в Сибирь новая молодая родственница стала писать с начала 1835 года. Не избалованная вниманием ни своих родных, ни родных мужа, Мария Николаевна всей душой откликается на искренность и деликатность невестки. А Екатерина Петровна, со своей стороны, восхищается мужеством этой женщины, которая могла ради чувства и долга отрешиться от всех благ, дарованных ей происхождением. "Вы знаете, - пишет она в Сибирь, - что я люблю Вас всем сердцем и испытываю глубочайшее восхищение Вашим характером и Вашей жизнью, исполненной самоотверженной преданности".

Переписка становится все более регулярной и задушевной. Екатерина Петровна сообщает о новостях в семье Раевских, часто пытаюсь найти оправдание отсутствию от них писем, чтобы смягчить горечь обиды у Марии Николаевны. Она выполняет многочисленные поручения сибирских изгнанников, шлет им посылки, каждый раз стремясь какими-нибудь мелочами порадовать и детей, и взрослых. Недаром в одном из писем Мария Николаевна пишет в Москву: "Вы мне дарите такие счастливые минуты, что след от них остается у меня надолго и влияет на мою жизнь... Вы ангел, дорогая Катюша, и, поверьте, никто не может Вас оценить лучше, чем мы!".

В начале мая 1836 года Пушкин встретился с четой Раевских на обеде у Михаила Федоровича Орлова. А 11 мая он пишет Наталье Николаевне: "На днях обедал я у Орлова... Раевский (Александр), который прошлого разу казался мне немного приглупевшим, кажется опять оживился и поумнел. Жена его собою не красавица - говорят, очень умна".

А через несколько месяцев после этой встречи Екатерина Петровна, которая всегда нумеровала корреспонденцию, пишет свое 32-е письмо Марии Николаевне о кончине поэта. В 1839 году не стало и ее самой.

На этом можно было бы поставить точку. Однако поиск продолжится. А вдруг в архивах Санкт-Петербурга или Москвы найдется ответное письмо Марии Николаевны Волконской, которая оставила такие теплые воспоминания о встречах с поэтом на страницах своих "Записок".

Анна ТИХАНОВСКАЯ,
старший научный сотрудник
Всероссийского музея
А.С.Пушкина